

Изъ недавняго прошлаго.

(Бытовые очерки).

Домъ дяди ¹⁾.

В прочемъ, мы не безвыѣздно жили въ деревнѣ. Почти каждую зиму мы мѣсяца на два покидали свою красивую родину и уѣзжали въ Петербургъ, гдѣ ждалъ насъ радушный пріемъ въ гостепріимномъ домѣ дяди.

Какъ памятенъ мнѣ этотъ переѣздъ въ городъ, совершавшійся обыкновенно къ концу зимы, въ самое морозное и вьюжное время. Насъ снаряжали во все теплое, что имѣлось подъ рукою: шубу, валенки, платки, рукавицы, и закрывали медвѣжьей полостью. Низенькія саночки были запряжены гусемъ; кучеръ Матвѣй завязывалъ уши платкомъ, чтобы не отморозить ихъ, и бралъ въ руки длинный кнутъ, которымъ могъ достать переднюю лошадь и который тащился по снѣгу далеко за санями. Ну, милыя! кричалъ онъ, и поѣздъ трогался. Дорога въ это время года очень узка, по обѣ стороны сугробы снѣга. Бѣда встрѣтиться съ обозомъ! Приходится сворачивать въ рыхлый снѣгъ; лошади погружаются по шею, бьются, постромки путаются, санки часто опрокидываются, чемоданы, одѣяла, подушки, все летитъ въ сугробъ! Обыкновенно мы сами заблаговременно вылѣзали и, цѣпляясь за оглобли и вozy чужихъ повозокъ, пробирались пѣшкомъ впередъ, предоставляя кучеру и возчикамъ распутываться и вытаскивать лошадей изъ рыхлой пропасти. Но вотъ вылѣзли несчастныя, запыхались, вспотѣли, устали больше,

¹⁾ См. „Русская Старина“ августъ 1910 г.

чѣмъ отъ пятиверстнаго бѣга; усѣлись мы, укрылись отсырѣвшими, заиндевѣвшими одѣялами, тронулись—вдали звенить колокольчикъ, навстрѣчу ѣдетъ кибитка, начинай все сначала...

На этотъ разъ Матвѣй не хочетъ уступать дорогу. Пусть тотъ лѣзетъ въ снѣгъ, говоритъ онъ, моя лошади притомились. Кибитка останавливается; кучера спорятъ и бранятся, никто не хочетъ уступить, утверждая, что его лошади устали. Наконецъ, рѣшаются осторожно, однимъ бокомъ проѣхать мимо другого.

Кучера вылѣзаютъ, берутъ подъ уздцы ту лошадь, которая въ уносѣ, и проводятъ ее мимо чужихъ саней. Лошади сердятся, визжать, стараются укусить другъ друга. Вотъ тронулись сани, одна сторона на краю дороги, другая въ мягкомъ снѣгу; санки скривились на бокъ, либо задѣваютъ другъ за дружку, либо не выдерживаютъ равновѣсія и опрокидываются въ глубокой снѣгъ со всѣмъ своимъ живымъ содержаніемъ. Вылѣзешь, стряхнешься; валенки полны снѣга, шуба намочла, за воротникомъ сидитъ цѣлый комъ и, медленно тая, сочится холодной струей. Холодно, тяжело, утомительно. Сядешь, съежишься, чтобы не ощущать прикосновенія мокраго воротника. Еще хорошо, если погода тихая, стужа не слишкомъ велика. Но когда вѣтеръ гуляетъ по чистому полю и нагоняетъ тебѣ въ лицо, въ рукава, въ прорѣхи полости снѣжную пыль, тогда прямо застываешь, коченѣешь отъ стужи. Лошади бѣгутъ, санки „ухаютъ“ по ухабамъ, ударяя въ спину. Голова нестерпимо болитъ при каждомъ толчкѣ. Наконецъ достигаешь города. Тамъ пересадка. Свои лошади оттуда отправляются обратно, а мы заказываемъ себѣ ямщицкую тройку и, пока запрягаютъ, сидимъ въ жарко истопленномъ почтовомъ дворѣ, гдѣ черезъ стеклянную дверь выглядываютъ три—четыре любопытныя головки дѣтей содержателя станціи. Намъ предлагаютъ самоваръ и баранковъ; другой провизіи нѣтъ; ее мы вынимаемъ изъ своего чемодана: курица, пирожки, котлеты, все застыло. Самоваръ приноситъ взрослая дочь; она васъ разглядываетъ наивно и начинаетъ допросъ: вы откуда? въ Питеръ? что у васъ тамъ родные есть? на долго? Она подходитъ къ вамъ и беретъ васъ за подолъ вашего платья. Шерстяное? сколько платили за аршинъ? И обшивка шелковая? Косынка какая нарядная, небось дорого заплатили? Она усаживается на краюшекъ стула, или упирается на косякъ двери и продолжаетъ безцеремонный осмотръ вашей особы. Если головная боль пронираетъ совсѣмъ нестерпимо, то приляжешь на грязный диванъ и дремлешь, пока не придутъ сказать, что лошади поданы.

Кибитка просторная, крытая и по большой дорогѣ ѣхать удобнѣе, чѣмъ по проселку. Колокольчикъ громко звенить и каждый

его ударъ болѣзненно отзывается на больную голову. Вотъ потянулись версты, одна за другою; переѣзжаемъ по льду черезъ большое озеро. Совсѣмъ возлѣ дороги въ маленькихъ прорубяхъ, мальчишки совочками вылавливаютъ мелкую рыбу, столпившуюся подышать около отверстія. Или рыбаки пробиваютъ ледъ, устанавливаютъ сѣти и тянутъ ихъ; въ петляхъ мелькаютъ серебристыя чешуйки и красныя перья окуней, лещей, щукъ и др. Все это было бы чрезвычайно интересно, если бы не болѣла такъ нестерпимо голова, если бы не ныли окоченѣвшія руки и ноги, если бы вьюга не засыпала бы лицо мелкимъ, колючимъ снѣгомъ. А теперь на все смотришь, какъ сквозь сонъ, и только томительно ждешь станціи, до которой еще 35 верстъ. Уже ночь, когда издали замелькаютъ станціонные огни. Лошади останавливаются предъ постояннымъ дворомъ. Содержатель его, Осипъ Васильевъ, самъ слуга и хозяинъ, выбѣгаетъ намъ навстрѣчу, вытаскиваетъ насъ, полусонныхъ, окоченѣлыхъ и тащитъ въ „чистую комнату“, гдѣ стоитъ одна неопрятная кровать, столъ съ клѣтчатой скатертью и три стула. Намъ подають опять чаю и баранковъ. Послѣ осмотра кровати, всѣ отказываются ею пользоваться, намъ приносятъ сѣна, накрываютъ нашими еще сырыми одѣялами, и мы кидаемся на наше душистое и колючее ложе, чтобы немного отдохнуть. Въ четыре часа насъ будятъ; поѣздъ идетъ въ 5 часовъ.

О, какъ не хочется вставать! всѣ косточки болятъ отъ вчерашняго переѣзда, а тутъ иди опять по морозу до вокзала. Осипъ тащитъ нашъ багажъ; беремъ билеты и спѣшимъ влѣзть въ вагоны; но еще не окончены наши мытарства; найти мѣста не такъ легко: всѣ ночью разлеглись, иные крѣпко спятъ, другіе притворяются спящими, чтобы ихъ не заставили уступить мѣсто. Кондукторъ толкаетъ, будитъ, проситъ, бранится. Наконецъ, кое-какъ размѣстились и мы ѣдемъ, ѣдемъ двѣнадцать часовъ. Зато съ какою радостью привѣтствуемъ мы появленіе загородныхъ построекъ и наконецъ послѣднюю остановку!

Дядя мой жилъ въ собственномъ домѣ своемъ, на Фонтанкѣ.

Вѣзжали черезъ огромныя ворота на широкій дворъ. Тамъ рядомъ было три подѣзда. Боковые вели въ квартиры двухъ тетушекъ, средній открывался на роскошную переднюю, откуда двѣ широкія каменные лѣстницы шли въ нарядный бель-этажъ. Дядя самъ занималъ его весь. Нижній этажъ состоялъ изъ двухъ квартиръ его сестеръ, во флигелѣ жила вдова-невѣстка. Мы останавливались внизу, у тети Кати, маминой родной сестры, которая радушно предоставляла намъ свой салонъ. Обѣдать же весь домъ собирался на верхъ, въ большую столовую. Рядомъ съ этой сто-

ловой была большая бильярдная, гдѣ дядя ежедневно послѣ обѣда игралъ въ бильярдъ три партіи; съ другой стороны столовой былъ огромный залъ съ бѣлыми подъ мраморъ стѣнами, съ голубой шелковой мебелью и портъерами и съ хорошенькими рельефными мальчиками по угламъ потолка. Но тамъ сидѣли только изрѣдка, когда былъ большой пріемъ. Обыкновенно, пройдя еще двѣ гостиныя, общество располагалось въ двухъ уютныхъ кабинетахъ, гдѣ стоялъ любимый диванъ дяди, въ углу котораго онъ постоянно сидѣлъ большую часть дня; тамъ же былъ каминъ, который дядя любилъ самъ растапливать, часто приговаривая, что, вѣрно, кто-нибудь изъ его предковъ былъ истопникомъ, потому что это занятіе доставляло ему такое удовольствіе.

Дядя мой былъ красивый старичекъ, съ совершенно бѣлыми волосами, черными бровями и черными глазами. Его тонкія черты носили печать доброты и ясности духа. Его руки были необыкновенно нѣжны и бѣлы. Одѣвался онъ дома въ черный бархатный сюртучекъ, бѣлый жилетъ и военныя брюки. Мундиръ свой онъ носилъ только, когда выѣзжалъ изъ дому. Этотъ мундиръ былъ покрытъ множествомъ орденовъ, которые на насъ дѣлали большое впечатлѣніе; никогда мнѣ не удавалось запомнить имена этихъ крестиковъ и звѣздъ на лентахъ черезъ плечо, на шеѣ и въ петлицѣ. Хотя дядя самъ былъ очень мало честолюбивъ, но никакъ не могъ примириться съ нашимъ невѣжествомъ относительно орденовъ и, когда мы въ десятый разъ спрашивали у него названіе какой-нибудь звѣзды, съ досадою отвѣчалъ: св. Меѳодія.

Онъ былъ добръ и кротокъ и рѣдко сердился. Но мы боялись его и почти никогда не рѣшались заговаривать съ нимъ. Этотъ ни на чемъ не основанный страхъ происходилъ отъ того благоговѣнія, которымъ окружали его сестры. Онѣ всѣ были гораздо моложе его и привыкли смотрѣть на него, какъ на патріарха семьи, даже говорили ему „Вы“ и называли его: „Николай Васильевичъ“. Онъ былъ человѣкъ очень строгихъ нравовъ и неподкупной прямоты. Живя при дворѣ, онъ никогда не покривилъ душой, никогда не скрасилъ неправды, не похвалилъ дурное, хотя бы сдѣланное высокопоставленнымъ лицомъ, никогда ни на кого не клеветалъ, и не принималъ участія ни въ какой интригѣ. Всѣ его уважали, не всѣ любили, и многіе опасались и стѣснялись его, особенно тѣ, у которыхъ было „рыльце въ пуху“.

Помню я, однажды, онъ былъ особенно въ ударѣ и рассказывалъ намъ разныя происшествія изъ своей молодости. Вдругъ одна молодая, шаловливая дама сказала: — Дядюшка, расскажите намъ какое-нибудь свое похождение. Были ли вы когда-нибудь пьяны?

Неодобрительный ропотъ раздался со стороны тетушекъ. Дядю покорило, но онъ скоро успокоился и сказалъ:

— Хорошо, я расскажу вамъ всю правду. Это было во время первой турецкой войны. Я долженъ былъ наблюдать за земляными работами; цѣлый день я простоялъ на палящемъ солнцѣ; я не смѣлъ отлучиться никуда, не ѣлъ и не пилъ до заката солнца. По окончаніи работъ, на обратномъ пути въ лагерь, меня зазвали товарищи въ свою палатку и предложили мнѣ вина. Не подумавъ, что я отощалъ за цѣлый день, я выпилъ сразу двѣ или три рюмки и тотчасъ почувствовалъ, что голова моя кружится. Мнѣ стало ужасно стыдно; я боялся, что товарищи замѣтятъ, что я пьянъ; я скорѣй простился и поспѣшилъ въ свою палатку. Тамъ я подъ какимъ-то предлогомъ отослалъ своего денщика, боясь, чтобы онъ не замѣтилъ, что я нетвердъ на ногахъ, съ нѣкоторымъ трудомъ самъ раздѣлся и скорѣе улегся. Вотъ это былъ первый и послѣдній разъ въ жизни, что я былъ пьянъ.

Всѣ пристыженно молчали. Не того ожидала смѣшливая молодежь. Можетъ быть, невольно племянники сравнили дядину молодость со своей и застыдились, хотя бы на минуту. Эту прямоту, искренность и душевную чистоту цѣнилъ въ дядѣ Императоръ Николай I, самъ рыцарь въ душѣ, любившій правдивость въ окружающихъ. Онъ назначилъ дядю воспитателемъ къ своимъ тремъ старшимъ внукамъ. Нельзя было найти лучшаго руководителя для молодыхъ великихъ князей. Высокое сознаніе долга и горячая любовь къ родинѣ стараго наставника отозвалась особенно на Великомъ Князѣ Александрѣ, будущемъ Императорѣ Александрѣ III. Онъ на всю жизнь привязался къ благородному старику и впоследствии охотно дѣлился съ нимъ заботами и мыслями своими.

Не было въ дядѣ ни лести, ни завскаиванія, но не могло быть болѣе горячей, искренней преданности своему Монарху и его семьѣ. Онъ, будучи уже маститымъ старцемъ, ѣздилъ иногда во дворецъ въ церковь и оставался тамъ завтракать, при чемъ любился царскими дѣтьми, шутилъ съ ними и дома любилъ повторять ихъ слова; въ его спальнѣ, въ рамкѣ, висѣли бумажныя фигурки, которыя вырѣзали и наклеили для него маленькіе Великіе Князья Николай и Георгій. Подъ его немного строгой военной выправкой и нѣсколько сухомъ, формальномъ обращеніи скрывалось самое гуманное сердце, отзывчивое на всякое добро. Богатствомъ своимъ онъ пользовался, какъ истинный христіанинъ—на благо ближнихъ, много помогалъ бѣднымъ родственникамъ, много воспитывалъ по разнымъ заведеніямъ сиротъ, много поддерживалъ бѣдняковъ. Много и злоупотребляли его простотой и щедростью и вымогали у него

пособія совершенно не нуждающіеся въ помощи люди. Жилъ онъ хотя богато, но не роскошно и далеко не все тратилъ, что получалъ. Онъ держалъ двѣ пары чудныхъ лошадей и при нихъ трехъ кучеровъ. Въ домѣ была масса прислуги: два повара съ кухоннымъ мужикомъ и пять или шесть лакеевъ, между которыми были распределены домашнія работы. Одинъ былъ ламповщикомъ, другой буфетчикомъ, третій выѣзднымъ, четвертый камердинеромъ, пятый цирюльникомъ и т. д. Всѣ живущіе у него въ домѣ родственники собирались къ пяти часамъ за общій обѣдъ. Но и всѣ остальные родственники и пріатели могли являться къ обѣду безъ приглашенія. Обѣдъ состоялъ изъ пяти блюдъ. Бутылка краснаго и бутылка бѣлаго вина обносилась вокругъ стола. Но при обиліи всего, никогда не допускалось за дядинымъ столомъ излишества или шикарства особенно дорогими и рѣдкими яствами и питіемъ. Разъ два въ годъ онъ дѣлалъ особенно изысканный обѣдъ для членовъ одного комитета, предсѣдателемъ котораго онъ состоялъ. Къ этому дню готовились особенно тщательно; тетя Катя, ведшая его хозяйство послѣ смерти его жены, подолгу совѣщалась съ нимъ. (Обыкновенно онъ не вмѣшивался въ ея распоряженія). Покупалась живая стерлядь, и тетя ходила на кухню, чтобы убѣдиться, что она действительно живая; это былъ единственный случай, когда я видѣла, что тетушка была на кухнѣ. Потомъ выбирались какія-нибудь *primeurs*, т. е. рѣдкія по времени года овощи и особенно хорошее вино. Молодежь на эти обѣды не допускалась, исключая насъ, живущихъ въ домѣ.

Кромѣ этого, дѣлался парадный обѣдъ въ Николинъ день, когда вся семья отъ мала до велика собиралась чествовать именинника. Но и тутъ царствовала умѣренность и сравнительная простота. Зато въ концѣ года оставалась значительная сумма денегъ, которая откладывалась въ пользу какого-нибудь любимаго назначенія. Помню я, какъ любилъ старикъ заниматься распределеніемъ своихъ доходовъ. Утромъ, бывало, тетя Катя поднималась съ нами въ третій этажъ, въ его частныя комнаты. Онъ принималъ насъ въ халатѣ; тетушка собственноручно варила ему кофе на спиртовой лампочкѣ; ему подавали къ нему нѣсколько ломтиковъ булки и крошечный кусочекъ масла. Этого ему было довольно до самаго обѣда.

Позавтракавши, звали Михайлу, цирюльника, особеннаго довереннаго дяди. Онъ снималъ со стѣны карту, подъ которой скрывалось отверстіе замка въ нестерраемый стѣнной шкапъ. Оттуда вынимали кипу разныхъ бумагъ, тетушка брала ножницы и отрѣзала купоны, а дядя ходилъ по комнатамъ и, весело улыбаясь, рассказывалъ, сколько онъ отложилъ въ прошедшій годъ, сколько

надѣется отложить въ нынѣшній и на что назначаетъ свои сбереженія. Ни сестры, ни племянники не были забыты. Но кромѣ того оставалась значительная сумма, назначенная на благотворительныя дѣла. Эта сумма росла съ каждымъ годомъ, и по мѣрѣ того дядя измѣнялъ свое духовное завѣщаніе.

Въ двѣ церкви, при двухъ имѣніяхъ, назначался капиталъ, процентами котораго должны были пользоваться священники этихъ особенно бѣдныхъ приходоѡ. Огромный капиталъ былъ назначенъ для приобрѣтенія земли, на которую предполагалось переселить крестьянъ одного изъ его имѣній въ черноземной полосѣ, взявшихъ при освобожденіи своемъ сиротскій надѣлъ и потому сильно бѣдствовавшихъ впоследствии. (Сиротскимъ надѣломъ назывался минимумъ земли, взявъ который крестьяне освобождались отъ платежа выкупной ссуды. Это соблазнило крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и они отказались отъ полного надѣла, а потомъ имъ пришлось горько раскаяться въ этомъ).

А сколько ежедневно тратилось изъ дядиной кассы на добрыя дѣла! Тетушка имѣла право брать и раздавать кому и сколько почитала нужнымъ. Если требуемая сумма была нѣсколько значительна, то тетушка все-таки не смотрѣла на это разрѣшеніе, являлась къ дядѣ и просила его позволенія, при чемъ подробно рассказывала, куда и какъ требовалось расходовать такую-то сумму, и всегда получала тотъ же отвѣтъ: Бери, бери, Катенька, или даже: да дай ужъ побольше! И тетушка сіяла, а потомъ приходила рассказывать, какую радость доставили дядины деньги. Тихое удовольствіе разливалось при этомъ на красивомъ лицѣ кроткаго старика.

Единственною роскошью, которую онъ себѣ позволялъ, была игра въ карты. Но и при этомъ онъ не терялъ душевнаго равновѣсія. Разъ въ недѣлю, въ семь часовъ, онъ надѣвалъ мундиръ и ѣхалъ въ Англійскій клубъ. Тетушка приносила ему бумажникъ съ пятьюстами рублей. Въ клубѣ встрѣчался онъ съ нѣсколькими знакомыми, тоже, какъ онъ, пожилыми и спокойными людьми; покалякавъ о томъ, о семъ, они сажались за *свой* привычный столъ и мѣрно и спокойно играли установленное число *partій*. Въ двѣнадцать часовъ онъ былъ уже дома. Тетушка ждала его въ кабинетѣ и выслушивала повѣствованіе о его удачахъ или неудачахъ. Потомъ результатъ записывался въ записную книжку. И удивительно, подсчетъ многихъ лѣтъ показавъ совершенный балансъ прихода и расхода, такъ что въ концѣ его жизни онъ оказался въ выигрышѣ на 500 рублей.

Иногда за нимъ присылали изъ дворца камерлакея, и тогда его

камердинеръ, толстый, сѣдой Кондратій, торжественно объявлялъ: Государь Императоръ просятъ Васъ къ восьми часамъ играть въ карты. Мы, дѣти, съ затаеннымъ восторгомъ глядѣли тогда, какъ дядя облакался въ свой самый новый мундиръ и ѣхалъ къ Государю. Но и оттуда онъ возвращался рано. Тетушка никогда не ложилась, не дождавшись его.

Тетя Катя была высокая, худошавая старушка, съ строгимъ выраженіемъ лица, въ гладкомъ, прилегающемъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ съ длинными развѣвающимися лентами. Она держалась необыкновенно прямо, говорила медленно и внимательно. Всѣ ее боялись, не исключая и ея сестеръ, которыя очень дорожили ея мнѣніемъ. Мы, дѣти, трепетали передъ ея строгимъ взглядомъ и скупали, слушая ея длинныя нравоученія. Никто изъ насъ не догадывался, что подъ этой наружной строгостью и доктринерствомъ крылось горячее сердце, наболѣвшее одиночествомъ, неудовлетворенное жизнью и страстно тоскующее по отвѣтному чувству. Потомъ уже, гораздо позже, я узнала, что тетюшка очень страдала отъ сознанія, что вся молодежь семьи ее больше боялась, чѣмъ любила. Судьба отказала ей въ семейныхъ радостяхъ, а въ душѣ ея былъ огромный запасъ любви, самоотверженія и нѣжности.

Брату своему она посвятила всю свою жизнь. Она выходила изъ дому только, когда онъ былъ занятъ чтеніемъ или когда выѣзжалъ въ клубъ. Остальное время она или занималась распоряженіями по хозяйству, сводила счета, что особенно трудно давалось ей, или сидѣла съ работой около дяди.

И онъ любилъ ее, хотя болѣе эгоистической любовью. Онъ нуждался въ ея присутствіи, какъ дитя нуждается въ нянѣ. Гдѣ Екатерина Васильевна?—былъ первый вопросъ его, если ее хотя полчаса не было въ комнатѣ.

Такъ онъ нуждался въ ея нѣжной заботѣ, что пережилъ ее только нѣсколькими мѣсяцами. Жизнь его потеряла все содержаніе, душа его не находила своей поддержки, какъ ни старались оставшіяся сестры окружать его всевозможнымъ вниманіемъ.

Насъ, дѣтей, она любила горячо, вмѣшивалась въ наше воспитаніе, часто читала намъ строгія нравоученія и восторженно излагала намъ свои идеалы: строгое, неуклонное исполненіе долга, служеніе Богу и родинѣ и самоотверженіе.

Въ случаяхъ какихъ-нибудь нравственныхъ провинностей доставалось не только маленькимъ, но и взрослымъ. Тетушка приглашала виновнаго въ свой кабинетъ, запиралась съ нимъ и отчитывала долго и основательно.

Прямота и правдивость, характеризовавшія всю эту семью,

дошли у нея до высшей степени и были предметомъ цѣлаго ряда юмористическихъ анекдотовъ.

Однажды пріятельницы моихъ тетушекъ въ шутливой бесѣдѣ начали сравнивать людей съ разными животными, проводя параллель между свойствами тѣхъ и другихъ. Тетя Катя замѣтила, что всѣхъ людей можно раздѣлить на двѣ категоріи, собакъ и кошекъ, т. е. людей прямыхъ и вѣрныхъ своему долгу, и людей хитрыхъ и коварныхъ. Но что воспитаніе можетъ привить обратныя качества, такъ что собака, воспитанная кошкой, будетъ имѣть нѣкоторый кошачій оттѣнокъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказала одна остроумная дама, Catherine можно назвать дворовой собакой (*Un chien de cour élevé par un chien de cour*).

Эту неуклонную прямоту испыталъ на себѣ даже Императоръ Александръ II.

Государь имѣлъ обыкновеніе раза два—три въ зиму посѣщать бывшаго воспитателя своихъ сыновей. Обычай требовалъ, чтобы члены семьи удалялись и оставляли наединѣ посѣщаемого съ высокимъ посѣтителемъ. Но однажды Государь такъ быстро вошелъ, что тетушка не успѣла въ-время скрыться. Государь, всегда любезный и пріветливый, просилъ ее остаться. Говорили о погодѣ, холодной и непріятной, о большомъ количествѣ больныхъ въ городѣ. Государь сказалъ, что ужъ давно чувствуетъ себя нехорошо, кашляетъ, но перемогается. Тетушка выпрямилась, какъ она всегда дѣлала, когда собиралась выразить свои чувства.

— Ваше Величество! воскликнула она. Какъ можете Вы быть такимъ неразумнымъ! Вы должны беречься; подумайте, Вы обязаны передъ Россіей заботиться о своемъ здоровьѣ. Ваши силы, Ваша жизнь принадлежатъ Вашему народу. Обѣщайте мнѣ, что Вы будете серьезно лѣчиться и сидѣть дома, пока не поправитесь.

Государь улыбнулся и обѣщаль беречься. Съ тѣхъ поръ, когда онъ пріѣзжалъ къ дядѣ, онъ всегда просилъ позвать Екатерину Васильевну, а когда встрѣчался съ нимъ, то спрашивалъ о ея здоровьѣ: „Я никогда не забуду, какъ она меня отчитала“, говаривалъ онъ, смѣясь.

Тетушка была пламенной патріоткой и намъ, дѣтямъ, проповѣдывала любовь къ родинѣ и жизнь въ пользу нашихъ братьевъ.

Она участвовала въ одномъ благотворительномъ обществѣ, давала уроки въ пріютѣ бѣдныхъ дѣтей и ѣздила на общія собранія членовъ, откуда всегда пріѣзжала крайне возбужденная; дядя ласково выслушивалъ ея длинныя, подробныя повѣствованія и шутя замѣчалъ, что Катенькинъ чепецъ всегда сидитъ на боку, когда она возвращается изъ собранія, вѣрно оно было очень бурно.

Тетушка давала въ пріютѣ уроки Закона Божія и въ пламенныхъ словахъ изливала передъ дѣтьми свою горячую любовь къ Богу и къ родинѣ, приглашая и ихъ отдаться высокому служенію. Къ сожалѣнію, она говорила языкомъ слишкомъ высокимъ и ученымъ для своихъ неразвитыхъ слушателей, которые врядъ ли оцѣнили ея возвышенныя чувства и еще менѣе усвоили себѣ ея великодушныя порывы. Послѣдніе годы я стала предметомъ ея особенной любви и заботы, благодаря маленькой школѣ, которую я основала въ деревнѣ для крестьянскихъ дѣтей. Родители моихъ учениковъ вовсе не дорожили грамотностью и отпускали дѣтей очень неправильно, иныхъ даже только по воскреснымъ днямъ и то потому, что ребята сами очень рвались ко мнѣ. Неправильныя занятія, конечно, давали очень не блестящіе результаты, но все же это было начало. Теперь, черезъ тридцать лѣтъ, мои бывшіе ученики обучаютъ своихъ дѣтей сами, или нанимаютъ для нихъ учителя каждую зиму въ складчину, т. к. еще не имѣютъ въ своей деревнѣ настоящей школы.

Обстановка моей импровизованной классной была очень невыгодна: комнатка была крошечная, холодная, а подъ конецъ уроковъ становилось въ ней такъ душно и жарко, что приходилось открывать дверь и впускать немного чистаго воздуха.

Тетушка принимала самое живѣйшее участіе въ моемъ предпріятіи. Она снабжала меня книгами и учебными пособіями, шерстью и матеріей, чтобъ обучать дѣвочекъ кройкѣ, шитью и вязанью; она выпросила у дяди маленькій фисгармоніумъ, чтобъ обучать дѣтей пѣнію. Она интересовалась мельчайшими подробностями моихъ занятій, требовала подробно характеристики отдѣльныхъ дѣтей, описанія ихъ домашняго быта. Она принимала участіе въ ихъ радостяхъ и горестяхъ, въ ихъ бѣдности и въ ихъ успѣхахъ. Она вязала имъ сама косынки и шарфы, чтобы облегчить имъ хожденіе въ школу зимою. Она даже разъ дала мнѣ денегъ на покупку коровы въ бѣдную семью, лишившуюся единственной коровы.

Однажды ей пришло на мысль, что было бы очень полезно обучать дѣвочекъ стряпнѣ.

“Мужья, писала она мнѣ, часто оттого недовольны дома, что жены нехорошія хозяйки; если жена съумѣетъ устроить домъ уютно, сварить вкусно и экономно, то мужъ будетъ имѣть къ ней больше любви и уваженія“.

Напрасно увѣряла я ее, что сама не умѣю стряпать, что у меня нѣтъ въ комнатѣ плиты и что изъ того малаго времени, которое дается ребятамъ на обученіе грамотѣ, невозможно еще удѣлить часть на изученіе кулинарнаго искусства. Все было напрасно; мысль зашла крѣпко. Я получила чугунный котелокъ, сковороду и значи-

тельное число крупъ, макаронъ и т. п. Нечего было дѣлать, надо было уступить непрактичной затѣѣ тетушки. Кое-какъ спихивали мы чугуничекъ въ печь, варили перловый супъ или манную кашу, что доставляло огромное удовольствіе моеѣ неизбалованной публикѣ. Супъ съѣдался при веселой болтовнѣ, и получалось что-то вродѣ пикника, хотя и вовсе не достигающаго цѣли, намѣченной тетушкой. Все же она осталась мною довольна. Какъ сердечно она относилась къ моему предпріятію, покажетъ слѣдующее письмо, которое такъ характерно, что перевожу его цѣликомъ съ французскаго, (тетушка не свободно писала по-русски).

„Дорогая племянница! Вчера я ходила покупать кое-что для себя въ гостинный дворъ, сильно озябла и устала. Пришла домой, напилась чаю и легла на кровать, чтобы отдохнуть и согрѣться. Тутъ вспомнила я, какъ ты зябнешь въ своей неудобной комнаткѣ—и мнѣ стало стыдно своего эгоизма, стыдно, что мнѣ хорошо и тепло, и что я давно не озаботилась о томъ, чтобы облегчить тебѣ исполненіе твоихъ обязанностей. Я поспѣшила сегодня отправиться опять въ гостинный дворъ и запаслась тамъ разными вещами, которыя я считала полезными для тебя, и тотчасъ отправила тебѣ ящикъ. Рада буду по крайней мѣрѣ этимъ способствовать высокой цѣли, которой ты служишь. Горячо любящая тебя тетка“.

Совсѣмъ особое впечатлѣніе производилъ великій постъ въ этомъ домѣ. Дядя всегда говѣлъ на первой недѣлѣ, а съ нимъ говѣла вся семья. Два раза въ день въ домѣ была служба. Въ десять часовъ, въ убранной для этого случая столовой, собиралась вся семья; дамы были въ черныхъ платьяхъ; на всѣхъ лежалъ какой-то особенный отпечатокъ не то озабоченности, не то сосредоточенности. Въ одномъ углу ставился столикъ, замѣняющій аналой; на немъ горѣли въ высокихъ подсвѣчникахъ толстыя восковыя свѣчи; со стѣны снимался образъ снятія со Креста, писанный какимъ-то итальянскимъ маэстро.

Старикъ-священникъ приходилъ съ псаломщикомъ и шестью пѣвчими. Дядя становился въ дверяхъ зала, прислоняясь къ косячку; трудно ему было отстоять всю службу, однако онъ никогда не садился.

Насъ, дѣтей, ставили впереди. Позади собиралась вся прислуга. Тетушка молилась страстно, восторженно; мы часто наблюдали за сосредоточеннымъ выраженіемъ ея лица. Она забывала все кругомъ, она жила въ другомъ мірѣ, который ей давалъ все, въ чемъ отказывалъ ей настоящій міръ. Служба продолжалась около часу, потомъ всѣ собирались въ кабинетъ дяди и вмѣстѣ пили чай съ миндальнымъ молокомъ или вареньемъ изъ черной смородины. Какое-то торжественное настроеніе было разлито вокругъ; даже стро-

гій камердинеръ Кондратій, котораго я очень боялась, былъ добрѣе и мягче обыкновеннаго. Дѣти молча сидѣли по угламъ и старались быть серьезными и важными, какъ большіе. Вечеромъ въ девять часовъ богослуженіе повторялось. Тетушка и мамаша говорили съ нами на религіозныя темы или читали намъ книжки духовнаго содержанія, готовя и насъ и себя самихъ къ исповѣди.

Въ субботу вечеромъ пріѣзжалъ къ дядѣ его духовникъ, придворный священникъ. Помню я жуткое чувство, которое охватывало всю душу.

Дядя просилъ у всѣхъ прощеніе, даже у насъ; маленькихъ, что ужасно насъ смущало, потомъ первымъ удалялся. По его возвращеніи уходила тетушка; она оставалась особенно долго и возвращалась всегда заплаканная и необыкновенно мягкая. Мы, глядя на нихъ, дивились, что за грѣхи могли имѣть эти люди, по нашему мнѣнію не имѣвшіе никакого несовершенства. Для насъ пріѣзжалъ нашъ законоучитель. И теперь еще трепеть охватываетъ при воспоминаніи, какъ мы по очереди входили въ завѣтную комнату.

Отецъ Дмитрій такъ торжественно говорилъ о необходимости покаянія для христіанина, объ очищеніи души, о приближеніи ея къ Богу, о стремленіи къ совершенству. Онъ приглашалъ внимательно взглядѣться въ свою внутреннюю жизнь въ свѣтъ Божию, разбиралъ всѣ недостатки по заповѣдямъ; сводя ихъ всѣхъ къ одному— недостатку любви къ Богу.

Сознаніе своего недостойнства, глубокая печаль о своихъ грѣхахъ и жажда обновленія охватывала душу. Потомъ онъ давалъ высказаться, выслушивалъ дѣтскія признанія: невниманіе къ молитвѣ, ссора съ братьями, недостатокъ почтенія къ матери, неправда, сказанная когда-то, все припоминалось, все онъ терпѣливо выслушивалъ, давалъ совѣты, какъ исправиться. Потомъ читалъ разрѣшительную молитву и отпускалъ. Боже, какъ легко было, выходя отъ него, точно тяжелое бремя сняли съ плечъ! Весь этотъ вечеръ и большіе и малые сидѣли молча, или читали про себя какую-нибудь духовную книгу. Какъ-то страшно было сказать или подумать что-либо, могущее нарушить душевную чистоту, съ которой завтра хотѣлось предстать передъ чашей Господней. Даже братецъ Вася, черноглазый шалунъ, сидѣлъ молча и не дерзалъ играть.

На слѣдующее утро всѣ вставали рано; тетушка одѣвалась въ бѣлое платье и была особенно торжественна. Подавали двѣ кареты. Въ одной ѣхалъ дядя съ тетушкой, въ другую садились мы и тетя Вѣра съ своей дочерью. Маленькаго братца, который еще не исповѣдывался, привозили къ Херувимской, чтобъ онъ не утомился. Приоб-

щались всегда въ церкви Пажескаго корпуса. Этотъ день всё были въ какомъ-то приподнятомъ настроеніи, дѣти не усорились, не шумѣли; и тихая радость была написана на всѣхъ лицахъ.

Тетушка постилась весь постъ, но дядѣ не позволяла этого. Первую, четвертую и послѣднюю недѣлю постились всё, и дядя и дѣти. При этомъ не допускалось того извращенія, которое встрѣчается въ нѣкоторыхъ богатыхъ семействахъ, гдѣ постъ обращается въ своего рода лакомство и по случаю поста выдумываются особенно изысканныя кушанья.

На страстной до четверга опять бывали богослуженія въ домѣ; въ четвергъ вечеромъ читались двѣнадцать Евангелій дома; чтобы не утомлять дядю долгимъ стояніемъ въ церкви. Мы очень любили это чтеніе, для котораго намъ раздавали толстыя восковыя свѣчи. Особенно же интересовала насъ вербная всеобщая, на которой мы получали вербы съ высокими, краснощежими херувимчиками, которые, равно какъ и свѣчи, мы долго потомъ сохраняли.

Съ пятницы начинали ѣздить въ церковь. Плащаницу всегда выносили четыре старые генерала, между ними и дядя, всё бывшіе директора Пажескаго корпуса. Горячее религіозное чувство тетушки дѣйствовало увлекательно на всѣхъ. Она молилась съ страстнымъ восторгомъ, со слезами, совершенно отрываясь отъ всего окружающаго; къ выносу Плащаницы она привозила живыхъ цвѣтовъ и стклянку съ душистымъ масломъ, которое она выливалá на ноги Распятаго и походила на одну изъ мироносицъ, стоявшихъ у гроба Спасителя.

Въ субботу мы красили яйца. Тети Катя и Вѣра покупали у своей модистки шелковыхъ тряпочекъ, которыя расщипывали на корпю, заворачивали въ нее яйца и тогда варили ихъ; получались очень пестрые и разнообразные оттѣнки. Красили и чернилами, и луковыми „перьями“, т. е. очистками. Такихъ разнообразныхъ красокъ для крашенія яицъ, какія имѣемъ мы теперь, тогда не знали.

Всѣ принимали участіе въ крашеніи яицъ, исключая дяди, который, заложивъ руки въ карманы, улыбаясь, наблюдалъ за забавой молодежи. Дядя любилъ, когда около него было людно и весело; когда молодежь хохотала и шутила, онъ нерѣдко тоже смѣялся и любилъ приговаривать: *comme c'est drôle quand on a dix huit ans.* (Какъ смѣшно, когда восемнадцать лѣтъ).

Послѣ обѣда всё ложились отдыхать, чтобы бодрѣе отстоять заутреню. Въ 11 часовъ, всё въ бѣлыхъ платьяхъ, дѣти; трепещущія отъ волненія, собирались въ залу. Дядя, какъ генераль-адъютантъ, долженъ былъ встрѣчать Пасху во дворцѣ; насъ же въ двухъ каретахъ везли въ Пажескій корпусъ. Ничто не можетъ

сравниться съ ощущеніемъ, съ которымъ входили мы въ церковь въ эту ночь, съ которымъ наблюдали за всѣмъ, что дѣлалось: какъ уносили Плащаницу, одѣвали свѣтлые покровы, зажигали люстры; какъ духовенство собиралось съ крестами и хоругвями, за ними пѣвчіе, пажи и всѣ присутствующіе съ горящими свѣчами. Насъ не пускали за крестнымъ ходомъ, боясь сквозняковъ, и какъ же мы рвались за нимъ, съ какимъ біеніемъ сердца прислушивались къ удаляющемуся пѣнію. Тихо, грустно, какъ плачь мироносиць, звучали мотивы молитвъ; шествіе трогалось изъ церкви по огромнымъ заламъ и корридорамъ Корпуса; двери затворялись; вдали замирали послѣдніе звуки; но вотъ они опять слышались; и все ближе, ближе. Жутко, томительно ждать! И вдругъ громко, радостно, у самой двери раздается: „Христось воскресе изъ мертвыхъ!“ и откликается во всѣхъ сердцахъ и повторяется все громче и громче. Дверь распахивается и по церкви разливается ликующей плачь и много разъ повторяется; радостно откликаются на него сердца всѣхъ присутствующихъ.

Настаетъ перерывъ. Священникъ христосуется съ прихожанами, родные и знакомые между собою. Тетя Катя особенно вѣжно, почти восторженно цѣлуетъ насъ.

Ѣдемъ домой. Въ столовой накрытъ столъ, на которомъ стоятъ ветчина, телятина, пасха, яйца и много разныхъ холодныхъ кушаній. Подаютъ чай, и всѣ разговляются, весело и шумно болтая въ ожиданіи хозяина дома, который опаздываетъ, такъ какъ долженъ поздравить Государя и разговѣться за его столомъ. Около трехъ часовъ пріѣзжаетъ и онъ, веселый и усталый, христосуется со всѣми и прямо уходитъ спать. Идемъ и мы, но долго, долго не спится, все чудится радостное „Христось воскресе“, и видятся сотни горящихъ свѣчей.

На другой день тетя Катя дарила насъ шеколадными и фарфоровыми яичками. Цѣлое утро приходили родные и знакомые поздравлять дядю и тетю.

Цѣлый сонмъ бѣдняковъ атакуютъ прихожую со своими поздравленіями и выпрашиваніями; иные приносили въ подарокъ какую-нибудь дрянную вышивку, кружева или письмо на цвѣтной бумагѣ, писанное вычурнымъ языкомъ, въ надеждѣ тронуть сердце тетушки и вырвать отъ нея лишнюю подачку.

У подъѣзда и у воротъ стояли двѣ—три старушки въ старомодныхъ салопахъ, съ потертымъ сакъ-воажемъ въ рукѣ, и ждали, не выѣдетъ ли генераль на прогулку, чтобъ при выходѣ выпросить у него рублика три—четыре.

Тетя Катя проводила все утро въ чтеніи писемъ и прошеній

этихъ бѣдныхъ и въ распредѣленіи суммъ, назначенныхъ на удовлетвореніе ихъ нуждъ. Это было очень несимпатичное занятіе. Никто не умѣлъ отличать настоящей нужды отъ назойливости и обмана разныхъ бездѣльниковъ и дармоѣдовъ; давалось много, но безъ довѣрія и безъ дѣйствительнаго участія. Иногда посылали дворецкаго ревизовать, правда ли нуждается просящій, но и это не ко многому вело. Бывали даже очень неприятныя объясненія съ бѣдными, приходилось выслушивать порядочныя дерзости.

Веселѣе было тетушкѣ надѣлать учениковъ и ученицъ своего пріюта, которыхъ она знала лично и въ нужды которыхъ входила со всей теплотой своего великодушнаго сердца. Надзирательница пріюта приводила дѣтей къ тетушкѣ на поздравленія и сама тоже получала очень сердечный пріемъ.

Съ новыми вѣяніями мои милые старики пробовали считаться, но это плохо удавалось имъ. Реалистическое направленіе не вязалось съ тѣми идеалами, въ которыхъ ихъ воспитали и которыми питалась душа ихъ. Имъ не пришлось сталкиваться съ дѣйствительной жизнью, какъ, на примѣръ, пришлось моей матери; они остались при томъ рыцарски-сентиментальномъ духѣ, въ которомъ выросли. Новые писатели, Достоевскій и Левъ Толстой, были имъ непонятны и приводили ихъ въ ужасъ. Ихъ нельзя было и касаться. Но, несмотря на нѣкоторую узкость ихъ, столько было искренности, тепла и дѣйствительнаго рыцарства въ ихъ міросозерцаніи, что какъ-то и не хотѣлось разрушать его болѣе реальными образами.

Въ семидесятыхъ годахъ въ Петербургѣ появился молодой философъ Владиміръ Соловьевъ. Онъ читалъ публичныя лекціи о Богочеловѣчествѣ. Молодежь толпами сходилась его слушать. Въ первый разъ съ кафедры раздавалась защита Слову крестному, вопреки общему направленію невѣрія. Чтенія эти вызывали бурные споры и пренія. Очень заинтересовались ими и дядюшка и тетушка, и рѣшили ѣздить на эти чтенія. Странный контрастъ представляли между пестрой передовой молодежью, длинноволосыми студентами безъ крахмальнаго бѣлья и курсистками съ короткими волосами и синими очками (въ которыхъ тогда полагался особенный отпечатокъ учености),—эти два почтенные старика—бѣлый, какъ лунь, генераль и строгая, чопорная старушка въ бѣломъ чепцѣ и шелковой пелеринѣ. Внимательно, напряженно слушали они, что говорилъ молодой ученый о Христѣ, Котораго такъ горячо любили они. Но скоро убѣдились они, что не по силамъ имъ слѣдовать за мыслью оратора.

— Знаешь, Катенька, сказалъ дядя:—останемся мы дома. Не для

насъ онъ читаетъ. Пусть молодежь старается, ищетъ Бога путемъ умозрѣнія. Намъ доказательствъ не надо. Мы и такъ вѣримъ и нашей вѣры никто у насъ не отниметъ.

Дорогіе старики! ихъ давно уже нѣтъ на этомъ свѣтѣ. Не дожили они до бурнаго настоящаго, съ его ломкой прошлыхъ понятій, съ его неустановившимся будущимъ.

Новыя настали вѣянія; новое поколѣніе спѣшитъ къ новымъ цѣлямъ, отрицая „то, что было“. И благо имъ, что они не видятъ этого; они не могли бы перенести...

Но неужели же высокія понятія о чести, о родинѣ, о чувствѣ долга, воодушевлявшія ихъ, были только фикціи старомодныхъ романтиковъ отживающаго поколѣнія? Нѣтъ, твердо вѣримъ, что мѣняется только форма. Суть же, содержаніе остаются неизблемы; истинны идеалы, которымъ они служили, и въ новомъ поколѣніи найдутся благородныя души, которыя будутъ продолжать ихъ дѣло.

Какой науки вы преимущество предъ всѣми прочими даете?

У сына сидя, окруженъ ученостью, со стыдомъ на свое незнаніе смотрю; вспомнилъ онъ мнѣ нынче о Пифагорѣ, который мимоходомъ сказать по моему мненію отмѣнный человекъ и не могу согласиться чтобы приписуемое ему мнѣніе толь безразсудное, о переходѣ нашихъ душъ, было точно такъ имъ преподаваемо какъ оное сказываютъ: человекъ, который толь истинное понятіе имѣлъ о Богѣ, человекъ который толь почитаемъ былъ своими современниками, своими учениками, человекъ такой не можетъ имѣть, говорю я, толь смѣха достойнаго мненія какъ сказываютъ, мненія о толь важномъ предмѣтѣ какъ наша душа: но оставимъ сіе и посмотримъ, что Пифагоръ требовалъ отъ желающихъ быть его учениками? пятилѣтнее молчаніе; тяжкая сія петимья дѣлаетъ честь терпенію людей того времени, которую оные выдерживали но и служить также доказательствомъ что познаніи которые Пифагоръ потомъ многочисленнымъ своимъ ученикамъ сообщалъ, были достойны толь строгаго искуса. Вижу что тѣ которые меня слушаютъ дивятся какое отношеніе имѣетъ то, что я сказалъ съ отвѣтомъ который я долженъ дать на заданный вопросъ. Всякой, надѣюсь со мною согласенъ, что знаніи добрую душу украшаютъ, дѣлаютъ ее способнейшую образовать въ добрѣ себя подобныхъ, злой же душѣ науки даютъ острые ножи искоренять въ своемъ и другихъ сердцахъ послѣдніи остатки добра. Все не отвѣтъ на вопросъ! вотъ онъ, наука по моему мнѣнію первейшая, единая достойная главнейшаго вниманія человека есть наука познанія самого себя, она единственно

насъ увѣряетъ въ неисчисленныхъ нашихъ недостаткахъ, она намъ подаетъ познаніе о милосердіи Творца нашего, по собственному опыту узнаемъ въ какой тесной связи мы находимся съ неостижимымъ симъ существомъ и сіе только можетъ насъ щастливыми здѣлать; наука сія, скажутъ миѣ, ни на какой кафедрѣ не преподается, и следственно въ число наукъ не можетъ быть помѣщена, чтоже назову я Теологію какъ главнейшую науку? ой, ой, вздохнувъ изъ глубины сердца воцѣлю: Спаситель нашъ Иисусе Христе, единый настоящій учитель буди намъ милостивъ! а паче тѣмъ, которые хотятъ возбудить въ сердцахъ собратіевъ своихъ настоящую къ тебѣ любовь, дать ли преимущество Философїи? нѣтъ, какъ она преподается то она служитъ часто искоренію имени которое она себѣ присвоила. Юриспруденція? со вздохомъ скажу нужная наука. Врачебная наука, обѣ онѣ служатъ доказательствомъ жестокаго паденія чадъ Святейшаго и всемогущаго Отца; признавъ себя таковымъ же несчастнымъ, даю я по своему разположенію между всѣми науками преимущество полной наукѣ хозяйства, на которую когда бы миѣ время и лѣты позволяли я бы съ охотою посвятился, не съ темъ только намереніемъ чтобъ умножать жатвы, сенокосы, леса, скотоводство, по правиламъ большей части хозяевъ, но чтобъ удобрять всякіе хозяйственные заведенія, а чтобъ лучше въ ономъ успѣть старался бы приобрести сверхъ обыкновенныхъ познаній, познаніе Физики, нужную часть для сего предмета Химіи, Механики и Гидраулики, въ надеждѣ чрезъ то сдѣлаться совершеннымъ хозяиномъ и заведеніями своими, умножая и распространяя изобиліе, дѣлать съ нуждающими прїобретенное именіе, и давъ себя подъ полное управленіе отцу моему небесному, вести себя во всемъ какъ чаду его пристойно въ угодность Ему.

(Написано дѣдомъ моимъ и списано со всѣми особенностями его орографіи).

Для чего надобно знать исторію и какъ ей обучаться?

Я признаться ни когда о семъ не разсуждала, а училась исторіи чтобъ знать и не думая о ея пользѣ, однако слыхала и читала мненіе другихъ и присвоила себѣ оное къ оправданію желанія моего знать исторію. Говорятъ, что полезнейшее знаніе есть познаніе челоуковъ а сіе доставляется чрезъ познаніе исторіи которая вписывая дѣяніи людей всякаго рода и во всякихъ положеніяхъ, показываетъ намъ сердце челоуковъ со всѣми его страстями и слабостями, и раскрываетъ оныя гораздо лучше нежели обращеніе людей, которые всегда болѣе или менѣе отъ другихъ скрываютъ

свои чувства, а часто и самихъ себя обманываютъ имѣя о себѣ со всѣмъ ложное мненіе. Зная же по исторіи характеръ людей подобныхъ людямъ нашихъ временъ, зная причину ихъ дѣяній и сравнивая ихъ съ дѣянiями нашихъ современниковъ, узнаемъ разположеніе сихъ последнихъ, можемъ предвидѣть слѣдствiя оныхъ а иногда находясь въ такихъ обстоятельствахъ что должны сами дѣйствовать или совѣтовать другимъ въ важномъ дѣлѣ, пользуемся памятнымъ, заимствуя у предковъ нашихъ то чего намъ недостаетъ, для чего я и думаю что познаніе исторіи еще гораздо нужнее для властителей и полководцевъ нежели для частныхъ людей, однако и для сихъ оно можетъ быть полезно, ибо они чрезъ оное могутъ познакомиться съ истиннымъ состояніемъ человѣческаго рода, съ непостоянствомъ щастiя сей земли, съ нищетою и перемѣнчивостію всѣхъ мирскихъ выгодъ, и чрезъ то утвердиться въ сей истиннѣ что всѣ труды наши должны единственно обращаться къ прiобретенію того блаженства которое послѣ смерти будетъ награжденіемъ добродѣтели, и котораго ни случай ни человекъ у насъ отнять не могутъ.

(Написано бабушкой-иностранкой).

Quel est le défaut le plus insupportable?

Il suffit d'imaginer un défaut quelconque pour avoir l'idée d'une chose insupportable, car ils le sont tous plus ou moins, mais il n'y en a pas selon moi de plus difficile à supporter, que les caprices. Pour tout autre défaut, surtout lorsqu'il se trouve dans une personne qui a d'ailleurs des qualités aimables, on peut trouver les moyens d'éviter ou de diminuer les effets désagréables qui en résultent; avec une personne querelleuse, on cherche à éviter les disputes, on ne la contredit pas, on est de son avis, quand on peut, ou du moins on se tait; avec les gens emportés on prend garde de ne point exciter leur colère et quand elle est allumée, en leur montrant de la douceur, le regret de les avoir fâchées, on les ramène bien vite; enfin il n'est presque pas de défaut que la patience, la complaisance, la douceur ne viennent à bout de rendre supportable; mais il n'en est pas de même des caprices, aucune prévoyance, aucune précaution ne sauraient nous mettre à l'abri des désagréments que ce défaut vous fera souffrir si un sort malheureux vous force à passer votre vie avec une personne qui y est sujette; c'est souvent lorsque vous vous y attendez le moins, lorsque vous l'avez le moins mérité, quand vous avez mis tous vos soins à lui plaire, qu'elle vous fait sentir tout le poids de l'humeur subite qui

lui a pris sans aucun sujet. Il n'y a pas moyens de connaître les goûts des personnes de ce caractère, car elles en changent tous les jours et une petite contrariété inévitable suffit pour leur faire trouver insoutenable aujourd'hui ce qui leur plaisait hier. Une personne comme cela vous reçoit à bras ouverts et une heure après vous boude sans que vous puissiez, en deviner la raison. Les prévenances loin de diminuer son humeur, ne font souvent qu'augmenter son caprice; une personne sujette à ce défaut est incapable de complaisance, puisqu'elle est trop peu maîtresse d'elle même pour plier sa volonté à celle d'autrui et si dans son bon moment elle se trouve dans une société ou elle veut bien céder aux désirs des autres, vous n'êtes jamais sûr qu'elle se soutienne jusqu'à la fin dans cette heureuse disposition, puisqu'un rien peut tout changer et lui faire vouloir justement le contraire. Que je plains ceux qui sont obligés de vivre avec de pareilles gens et que je plains plus encore les malheureux qui se laissent aller à ce vilain défaut qui les rend insupportables aux autres et à charge à eux mêmes.

C. B.

